

Вы держите в руках роман, который начинается колыбельной и заканчивается тишиной исландского ледника. «Песочный человек» — история, в которой сказка давно утратила доброту, а реальность требует мужества.

Кто он — Песочный человек? В детских страшилках он сыплет песок в глаза непослушным детям и уводит их в темноту. Здесь же песок — это время, утекающее сквозь пальцы, и ложь, сначала спасительная, а затем разрушительная. Это и бумажные драконы, сложенные из больничных бланков, — хрупкая надежда там, где её почти не осталось.

Это книга о слепоте — не только физической, но и внутренней: о неспособности разглядеть другого человека, пока не окажешься рядом в полной темноте.

О боли и чувстве вины, которые разрушают быстрее любой болезни.

И всё же в истории есть свет. В умении создавать красоту из хрупкого, в дыхании ледника кажущегося мёртвым, в тёмных волнах океана, которые остаются прекрасными.

Это история, от которой хочется отвернуться в самые тяжёлые моменты, — и именно поэтому её стоит читать.

Чтобы понять, можно ли начать сначала, если начала не было. И что остаётся у человека, когда он теряет всё, кроме способности любить.

**С любовью к читателям и книгам,
команда**

Читайте в «Серии, которую
нельзя называть»:

КАТЕРИНА КАВАЛЬЕ
Хозяйка сада чёрных роз

МАША ВАН
Песочный человек

МАША
ВАН

Песочный
Человек

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В17

Иллюстрации на обложке
Una Geran, Karma Virtanen

Художественное оформление
Игоря Пинчука, Елены Ефименко

Ван, Маша.

В17 Песочный человек / Маша Ван. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Серия, которую нельзя называть).

ISBN 978-5-04-234743-6

Лишь в его тьме она перестала быть невидимкой.

Элизабет Мёрфи привыкла отказываться от собственных желаний. Психическое расстройство матери и оплата лечения в «Хепне», сорванное поступление в Оксфорд и потеря друзей — всё это ложится на её плечи тяжёлым грузом.

Уильям Кросби, высокомерный наследник рухнувшей империи, потерял зрение — а вместе с ним и смысл существования. Тот, кто когда-то отравлял девушке жизнь, теперь заперт в палате: слепой, беспомощный и бесконечно одинокий.

Когда судьба сталкивает их в стенах «Хепна», Элизабет не находит в себе сил раскрыть правду. Она представляется Эммой — за чужим именем легко спрятать боль, презрение... и неожиданно проснувшееся сострадание.

Случайная встреча не должна была повториться, а маленькая ложь — превратиться в настоящую паутину. Но Элизабет не может это остановить: Песочный человек уже услышал её желание. И он всегда исполняет мечты, забирая взамен нечто большее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маша Ван, текст, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-234743-6

*Мистер Песочный человек, подари мне мечту.
Сделай ее самой милой из всех, что я видел.
Дай ей губы, похожие на лепестки роз и клевера.
И скажи ей, что ее одинокие ночи в прошлом.
Песочный человек, я совсем один.
У меня нет никого, кого я мог бы назвать своим.
Пожалуйста, пошли мне свой волшебный луч.
Мистер Песочный человек, подари мне мечту.*

Mr. Sandman – SYML

ΓΛΑΒΑ 1

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Элизабет царапает кожу на большом пальце ногтем. Она надавливает сильнее, и заусенец ползет вниз. Сначала кутикула краснеет, а после появляется небольшая капля крови. Боль успокаивает и помогает отвлечься.

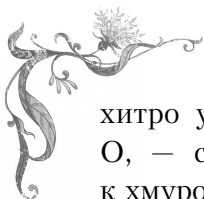
— Мы выехали на окружную дорогу, — говорит Даниель тоном заправского экскурсовода. — Сейчас начнется самая красота.

— Да, это замечательно, — Элизабет рассеянно кивает в ответ.

В любой другой ситуации она бы смотрела на величественные горы и суровые волны Атлантического океана, раскрыв рот. Она изучила бы десятки карт и путеводителей, чтобы не пропустить ни одной местной достопримечательности.

Но сейчас все иначе. Элизабет здесь не за этим.

— До Вика пара часов езды, если не встрянем за каким-нибудь грузовиком, — продолжает Даниель. Белоснежная борода придает ему сходство с Санта-Клаусом. — Я могу рассказать вам о наших обычаях и легендах, или что вы, туристы, обычно любите слушать. — Он

хитро улыбается и делает невнятный жест рукой. — О, — спохватывается Даниель, когда оборачивается к хмурой Элизабет, — вот же я старый дурак. Вы, должно быть, устали с дороги, — он бьет себя раскрытой ладонью по лбу и сокрушенно качает головой.

— Да, — она поджигает губы. — Я посплю, если вы не против.

Даниель кивает, и она разворачивается на переднем пассажирском сиденье старенького белого джипа к окну. Она не хочет показаться грубой, ведь у Даниеля она сняла дом на эти две недели. И он любезно встретил ее в аэропорту Рейкьявика, забросил все свои дела. Но Элизабет не имеет никаких моральных сил вести дружескую беседу с этим улыбчивым стариком.

Каждые несколько минут к горлу подкатывает удушливый ком. То ли от головокружительно чистого воздуха Исландии, то ли от переживаний, которые сжирали ее последние несколько недель.

Она проделала этот длинный путь из Великобритании не просто так, не из праздного любопытства.

Здесь, у подножия ледника Вáтнайёкюдль, находится «Хепн» — лечебница для душевных расстройств, где вот уже год живут ее родители.

Цепь трагических событий и нелепых совпадений в итоге привела их в это место так далеко от дома.

Элизабет родилась и выросла в окрестностях графства Чешир.

Она любила свой городок. Некоторым Уоррингтон мог показаться мрачным захолустьем, где небо всегда затянуто свинцовыми тучами от дымовых труб огромного металлургического комбината Томаса Кросби.

Но Элизабет нравился этот пейзаж. Нравился неровный ландшафт цехов, складов и сталеплавильных ковшей. Нравился их гул и ощущение, будто даже без

людей этот город будет жить своей собственной жизнью, тяжело вздыхать, переваривая тысячи галлонов бурлящего металла.

Отцу Элизабет, Теренсу Мерфи, пришлось начать работать еще в тринадцать, он успел окончить лишь несколько младших классов. Однако, даже будучи подмастерьем, Теренс не терял интереса к учебе, несмотря на тяжелый физический труд. Позже он записался на курсы при заводе, получив разряд слесаря на предприятии Кросби.

Элизабет считает, что своей тягой к знаниям обязана именно ему.

Небольшая комната, которую они занимали вплоть до ее поступления в начальную школу, казалась маленькой Элизабет по-настоящему роскошной и чудесной. В основном из-за того факта, что в социальном жилье для рабочих фабрики ютились десятки семей с ребятами ее возраста.

Пока папа отработывал сверхурочные, а после шел на курсы повышения квалификации, чтобы поздно ночью заснуть прямо за кухонным столом, носом уткнувшись в учебник, мама Элизабет, Фло, брала две-три дополнительных смены.

Она убиралась в столовой и административных корпусах того же завода Кросби рано утром и поздно вечером, чтобы их семья могла хоть как-то сводить концы с концами.

Элизабет же на эти часы передавали в руки заботливых тетюшек и соседок вместе с оравой других детей. Они клятвенно обещали вести себя сносно, но, как только за родителями закрывалась дверь, по коридорам многоквартирного дома разносился неистовый визг. Лестничные пролеты, закоулки и чердаки стали их игровой

площадкой, местом встреч, расставаний и тайных заговоров против взрослых.

Да, то были тяжелые годы, но для маленькой Элизабет одни из самых счастливых.

Начальная школа Уоррингтона преподнесла ей первый урок — никто не любит зазнаек и выскочек.

Элизабет училась хорошо, просто отлично, чему не уставали удивляться местные преподаватели. Однако гордость за свои академические успехи быстро сменилась разочарованием и обидой — недавние друзья отказывались с ней общаться. Они давали Элизабет обидные прозвища, передразнивали всякий раз, когда ее рука вздымалась над партами классной комнаты, ехидничали и осыпали остротами.

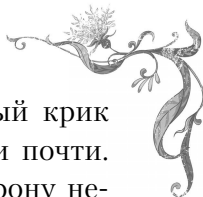
Теренс всеми силами поддерживал в дочери эту любовь к знаниям. Он не был похож на типичного рабочего фабрики: ее папа предпочитал тихие семейные вечера шумным походам в паб, а любимым занятием у него всегда было чтение.

И вот уже они вдвоем поздними ночами корпели над учебниками.

Было несложно отказаться от прошлых игр и развлечений. Ведь чем лучше Элизабет училась, тем меньше друзей у нее оставалось.

Неизменно отличные оценки, поступление в Грамматическую школу для девочек¹, а после стипендия, почти полностью покрывающая обучение и проживание в Оксфорде, — предел мечтаний для такой, как она, и грандиозные планы, которым никогда не суждено было сбыться.

¹ В Великобритании действует трехступенчатая система образования, включающая начальную школу (5–11 лет), среднюю школу (11–16 лет) и старшую школу (16–18 лет), ведущую в университет.

— Да проезжай ты! — громкий недовольный крик Даниеля заставляет ее вздрогнуть. — Приехали почти. Вон молодежь развлекается, — он кивает в сторону нескольких парней, которые остановились посреди дороги и производят какие-то странные манипуляции со ржавым «Лендровером». — А я говорил, что у вас ничего не получится. — Он останавливается возле них и опускает стекло с ее стороны, чтобы лучше слышать собеседников.

Даниель, по всей видимости, пытается звучать сочувственно, но выходит как-то слишком самодовольно.

— Мы его починим! Эта рухлядь еще тебя переживет, вот увидишь, я... — Темноволосый худой парень лет двадцати пяти сгибается, чтобы обратиться к Даниелю, но быстро осекается и впивается ошарашенным взглядом в Элизабет. — Ну и ну, — тянет он и присвистывает.

Элизабет напрягается. Нет, ее новый знакомый вовсе не отвратительный, но она не общалась с парнями уже очень и очень давно.

— Привет, — осторожно произносит она и улыбается, как ей кажется, вполне дружелюбно.

— Ну привет-привет, — тот хитро прищуривается и расплывается в широкой улыбке. — Я Лиам, — он протягивает ладонь через открытое окно, и Элизабет нехотя отвечает на рукопожатие.

В этот момент к машине подтягиваются еще двое, а после еще четверо человек. Остается лишь гадать, как все они планировали поместиться в кузове этой машины. Возможно, потому она и сломалась.

— Элизабет, — кивает она и тут же отдергивает руку, пряча кровоточащий палец под рукавом пальто.

— Привет, Элизабет, я Стефан, — парни наперебой выкрикивают свои имена. Они напоминают голодных чаек. Ей делается неуютно.

— Эй, а ну успокоились, — прикрикивает Даниель, пригнувшись и грозя им кулаком, и парни тут же тушуются. — Мисс Элизабет приехала к нам из Лондона, а вы как себя ведете? Настоящие дикари!

Они выглядят пристыженными ровно несколько секунд.

— О, так леди Элизабет к нам из самой Британии пожаловала, — нахально хмыкает тот, которого зовут Кристоф, кажется. — Надолго к нам? Не желаете ли прокатиться на нашем кабриолете?

— Кабриолет выглядит не так, идиот, — шикает один из них и тыкает Кристофа в бок.

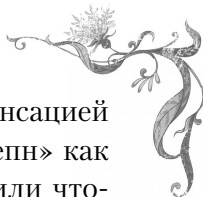
— Да какая разница, в кузове ведь тоже нет крыши!

— Она никуда с вами не поедет, — решительный голос Даниеля прерывает рассуждения. — От вашей колымаги несет бензином за километр, и заводится она через раз. Мисс Элизабет небось такого позорища ни разу в жизни не видела.

— Тогда пусть просто закроет глаза и подумает об Англии, — прыскает Лиам, и вся компания громко ржет.

— Вот же полудурки, — фыркает Даниель и давит на газ. Элизабет все еще слышит улюлюканья и смех, доносящиеся сзади. — Вы не обижайтесь на них, — старик стыдливо поджимает губы. — Они, вообще-то, неплохие ребята, вас и пальцем не тронут. Просто народу у нас здесь мало, всего три сотни человек, а до ближайшего города два часа езды, вот они и сходят с ума от скуки. Каждый раз что-нибудь устраивают, когда новый турист приезжает.

— Все в порядке, — улыбается Элизабет. — Я понимаю. Даниель, я хотела спросить... — Она не хочет доставлять еще больше неудобств своим присутствием, но теперь становится ясно, что она не сможет сделать и ша-

гу из своего съемного жилья, не став при этом сенсацией местного масштаба. — Мне нужно попасть в «Хепн» как можно скорее. Здесь есть прокат автомобилей или что-то в этом роде?

— Прокат? — по тому, как высоко поднимаются брови старика, Элизабет может определить, что арендовать машину ей не удастся. — В столице есть один, но для этого нам нужно вернуться.

Она шумно выдыхает и прикрывает веки, проклиная собственную глупость. Элизабет была настолько взбуждена предстоящей встречей, что напрочь забыла об очевидных вещах. К тому же ей совсем не хотелось расстраивать Даниеля. По телефону он настойчиво предлагал свою помощь, и она не раздумывая согласилась.

— Так глупо вышло, — шепчет Элизабет и закрывает лицо ладонями. — Извините.

— Да не расстраивайтесь вы так, — весело отвечает Даниель. — У нас по несколько раз на неделе ездят и в «Хепн», и в Рейкьявик. Сейчас отдохнете немного с дороги, обживетесь, а я пока похожу поспрашиваю. Часа через три отправим вас в город.

— Спасибо вам, Даниель. Даже не знаю, что бы я делала без вас, — Элизабет благодарно улыбается.

— Пустяки, — отмахивается мужчина, но она не может не заметить румянца на его щеках.

Дом, который она сняла, на поверку оказывается обыкновенным шалашом, наспех сколоченным из отсыревшей древесины. Выкрашенный в алую краску, он будто вырезанное со страниц журнала изображение, по какой-то нелепой причине вставленное в суровый пейзаж Исландии. Но так выглядят практически все дома в деревне, и жаловаться ей не на что.

Внутри ее встречают беленые стены, одноместная койка, старенькие стол со стулом и покосившаяся ве-